

Утренний туман ещё не рассеялся, а Шэнь Циньгэ уже повязала на пояс медную табличку, закрепив её ярко-красным шнуром. Тот выделялся своим цветом, в утренней дымке поблёскивая словно живой, а узор из пятилепестковой сливы на металле казался призрачным в неверном свете.

Растирая в ступке корень саньци, она прислушивалась к сухому шороху, который разносился по тихой лечебнице. Девушка будто невзначай заговорила с подмастерьем, готовившим лекарства:

— Тебе когда-нибудь доводилось видеть такой узор из пятилепестковой сливы?

В её глазах сквозило ожидание, словно этот рисунок хранил некую тайну, неразрывно связанную с кем-то особенным. Лю Жуянь, держа в руках ступку, придвинулась ближе, чтобы рассмотреть получше. Почувствовав под пальцами шершавую поверхность сосуда, она внезапно указала на щербинку у основания цветка и звонко произнесла:

— Этот узор до боли напоминает тот, что был на зелёных нефритовых сосудах, доставленных из зоны эпидемии.

Не успела она договорить, как с переднего двора донёсся шум: крики людей смешивались со скрипом колёс тяжело груженных телег. На трёх повозках привезли беженцев, чьи тела были покрыты язвами. Зловоние гнили ударило в нос так резко, что у всех заслезились глаза, а тошнотворный запах, казалось, проникал в каждую пору.

Пока обитатели лечебницы суетились, пытаясь справиться с наплывом больных, Сяо Юй неподвижно наблюдал за происходящим с ветви старого баньяна неподалёку. Присев на корточки, он жевал леденец, и кончик бамбуковой палочки, покрытый застывшей коричневой глазурью, поблёскивал на солнце липким блеском. Его взгляд был прикован к Шэнь Циньгэ. Наблюдая за тем, как она хлопочет среди беженцев, он ощутил, как в груди поднимается странное, необъяснимое чувство. Он неотрывно смотрел на медную табличку, покачивающуюся у неё на поясе, и его кадык непроизвольно дёрнулся, когда она наклонилась, чтобы поставить иглы. Сердце забилось быстрее; он с тревогой размышлял о том, как повернётся ситуация и в безопасности ли она.

Когда Лю Жуянь ушла за полынью, Сяо Юй выплюнул две косточки от боярышника. Они легко упали в разбитую чашу нищего в переулке, и этот чёткий звук эхом отозвался в тишине. Однако взгляд его не отрывался от Шэнь Циньгэ — казалось, она стала центром его мира.

— Почтенный, раз у вас больные ноги, не хотите ли остаться в лечебнице на пару дней? — Шэнь Циньгэ поддержала пошатывающегося старика, и кончики её пальцев коснулись его кожи, грубой, как наждачная бумага.

Глаза под копной седых волос вспыхнули пугающим блеском. Пальцы старика, похожие на сухие ветки, едва заметно скользнули по медной табличке на её поясе — прикосновение было сухим и холодным. Шэнь Циньгэ вздрогнула и машинально огляделась.

В этот момент в печи с треском лопнула искра, яркая вспышка на мгновение осветила полумрак комнаты. Шэнь Циньгэ инстинктивно отпрянула назад и наткнулась поясницей на дрожащую руку старика. Ладонь, испещрённая шрамами, через ткань платья прижалась к её спине, и странный жар от копчика до самых кончиков ушей заставил кожу вспыхнуть. Лицо девушки мгновенно залилось краской, сердце заколотилось, как барабан, и она в панике попыталась отстраниться.

Она поспешно отошла к окну, чтобы поправить причёску, и прохладный ветерок коснулся её щек, принося облегчение. Она не заметила, как старик спрятал руку в рукав, сжимая в пальцах оторванный кусочек красного шнура. Но сердце её ещё долго не могло успокоиться, в памяти то и дело всплывало то жаркое прикосновение.

Ранее Господин Ли уже не раз присылал в лечебницу своих людей. На словах они интересовались ходом борьбы с эпидемией, но на деле пристально следили за каждым шагом здешних обитателей. Когда сумерки окрасили двор, где сушились травы, Господин Ли в ярости пнул чиновника, принесшего отчёт о числе умерших. Уставившись на слова о появлении медного знака в донесении, он с искаженным от злости лицом швырнул чашку в стоявшего на коленях шпиона. Звук разбитого фарфора прогремел в комнате:

— Следите за этой девчонкой по фамилии Шэнь! Всё, к чему она прикасалась, должно быть перерыто до основания!

Шэнь Циньгэ ступала по скользкому мху, пробираясь в пещеру; холод сырости проникал даже через подошвы обуви. Огонёк огнива осветил почерневшие следы когтей на каменных стенах — они словно хранили память о былом ужасе. Лю Жюань внезапно вцепилась в её рукав, в голосе её звучал страх:

— Сестрица Циньгэ, в воде плавают дохлые крысы!

От мёртвых грызунов исходил такой тошнотворный запах, что к горлу подступила рвота. Когда они подняли объёрнутый промасленной бумагой сосуд, чтобы взять пробы, снаружи послышался хруст сломанной ветки — явный сигнал приближающейся опасности. Тревога охватила Шэнь Циньгэ, она крепче сжала фарфоровый пузырёк, в эту минуту мечтая лишь о том, чтобы Сяо Юй был рядом.

Сяо Юй, занеся руку к уху, чтобы стереть грим, замер, раздумывая, как защитить её. Дротик «Голубиное перо», свистнув в воздухе, вонзился прямо в глазницу соглядатая, спрятавшегося за деревом. Глухой звук падения тела охранника встревожил девушек в пещере. Сяо Юй, увидев, как Шэнь Циньгэ, приподняв подол, бросилась на шум, напрягся от страха за неё. Он резким движением рассыпал ядовитый порошок поверх окровавленных листьев, и в воздухе поднялось едкое облако.

— Это беженцы, отравленные миазмами, — Шэнь Циньгэ перевернула тело, рассматривая посиневшие кончики пальцев мертвеца; холодная кожа заставила её нахмуриться.

Лю Жюань вдруг указала на пояс покойника:

— Эта нефритовая пряжка точь-в-точь такая же, как у слуг Господина Ли!

Ночная птица пронеслась над верхушками деревьев, тень мелькнула в лунном свете. Сяо Юй смотрел, как Шэнь Циньгэ прячет пряжку в пузырёк с ядовитой водой, и в горле у него пересохло от странного волнения. Он любовался её сосредоточенностью, чувствуя к ней глубокое уважение и нежность.

В пещере кипела работа, но снаружи небо становилось всё темнее, предвещая ливень. Завыл ветер, заставляя ветви у входа тревожно шуметь. Когда хлынул дождь, капли забарабанили по крыше с частотой барабанной дробы. При свете свечи Шэнь Циньгэ пыталась совместить два листа с оттисками. Пламя дрожало, тени метались по стенам. Узор из лоз, тянущийся от щербинки на пятилепестковой сливе, идеально дополнил недостающую часть клейма на дне зелёного нефритового сосуда.

В тот момент, когда за окном гроыхнул гром, яркая вспышка молнии осветила комнату, и она заметила на внутренней стороне медной таблички едва различимый иероглиф «Тень». Вдруг из-за шкафа с лекарствами показались три руки, покрытые грязью; от влажной жижи исходил тяжёлый запах сырой земли. Шэнь Циньгэ вскрикнула от испуга, её тело затряслось.

Сяо Юй сбросил промокший седой парик, и звук капель, стекающих с него, прозвучал в тишине с пугающей чёткостью. Девятнадцать видов яда в его наручах тихо звякнули, когда он повёл кистями рук. Глядя на пять тёмных фигур, крадущихся к комнате, он прижал языком к зубам спрятанную противоядие. Дождь смыл грим, обнажив его естественную, холодную бледность кожи. В его взгляде читалась решимость — у него была лишь одна мысль: защитить Шэнь Циньгэ.

Ядовитый порошок с кончиков его пальцев развеялся в дождевой завесе едким облаком. Пять фигур едва успели выломать дверцу шкафа, как рухнули на пол; грохот мебели смешался с глухими ударами тел. Шэнь Циньгэ, отступая с табличкой в руках, вдруг увидела под серым париком мертвенно-бледную кожу — в тот миг, когда старик сорвал с лица шрамы, дождь обнажил резкую линию челюсти, которую она однажды мельком видела в зоне эпидемии.

— Столичный гуляка умеет разгадывать головоломку девяти колец? — вырвалось у Шэнь Циньгэ, вспомнив свой вопрос полумесячной давности.

Голос её дрожал, в нём слышалось смущение. Тогда в чайной она запомнила эти смеющиеся персиковые глаза, а сейчас они, холодные и сосредоточенные, были устремлены на дротик, вонзившийся в горло убийцы. Сяо Юй сбросил промокшую грубую одежду, и из-под пояса его тёмного костюма выскользнула половина позолоченной таблички — узор «Тень» идеально совпал с выемкой на её медном знаке.

Он посмотрел на Шэнь Циньгэ и, наступив на сигнальную ракету, спрятанную у убийцы, раздавил её. Фиолетовый порошок, смешавшись с дождём, просочился в щели между

кирпичами, и едкий запах разнёсся в воздухе.

— Госпоже Шэнь следовало бы сначала спросить, как псы Господина Ли смогли почуять медный знак и прийти прямо в лечебницу? — в его голосе слышалась насмешка, призванная унять её напряжение.

Очередной удар грома осветил три свежие царапины на оконной раме, и Шэнь Циньгэ судорожно прижала к себе листы с оттисками. Те самые лозы, что были скопированы с доньшка нефритового сосуда, теперь извивались прямо рядом с краем таблички Сяо Юя. Она вдруг вспомнила аномально высокую температуру тела старика, когда тот коснулся её таблички, и кончики её ушей вспыхнули. Она не смела поднять глаз на Сяо Юя, сердце её было полно смущения и смятения.

— Осторожно! — Сяо Юй притянул её к себе, отступая на полшага, и скрытый арбалетный болт с резким свистом вонзился в шкаф.

Его рука крепко обнимала Шэнь Циньгэ, словно он боялся, что если отпустит, она исчезнет. Прижавшись к его груди, она отчётливо слышала стук его сердца, и её собственное лицо стало горячим, как огонь.

Ногти пяти поверженных убийц начали с пугающей скоростью чернеть. Нахмурившись, он перерезал красный шнур на поясе девушки:

— Порошок «Разлагающий кости» становится ядовитым при контакте с водой. Эту табличку лучше оставить на хранение мне.

Его тон не терпел возражений, но в нём сквозила забота. Ливень внезапно стих, лунный свет упал на дрожащие пальцы Шэнь Циньгэ, принося с собой холод. Она смотрела, как Сяо Юй привязывает медный знак к своему запястью тем же красным шнуром, и узор на нём прижался прямо к бьющемуся пульсу.

— Раз уж господин Сяо вознамерился найти источник эпидемии, хватит ли у вас смелости отправиться со мной и проверить зелёные нефритовые сосуды в личной сокровищнице Господина Ли?

Остатки дождя с карниза упали на раскрытую ладонь Сяо Юя, где девятнадцать отравленных игл отливали зловещим синим светом. Он внезапно распахнул верхнюю одежду и накинул её на полуобнажённые, промокшие плечи Шэнь Циньгэ. Аромат лекарств, смешанный с запахом амбры, ударил в нос, принося странное спокойствие.

— Если бы главный лекарь узнал, что его любимая дочь по ночам грабит государственные склады, боюсь, он разнёс бы Императорскую медицинскую академию по кирпичику.

Его голос звучал низко и нежно, словно он бережно укрывал её от всего мира. Когда на Западной улице пробили три часа ночи, две тени перемахнули через стену заднего двора управы. Шэнь Циньгэ, наступив на плечо Сяо Юя, дотянулась до слухового окна склада. В её руках был пузырьёк с ядовитой водой, извлечённой издохлых крыс в пещере; холод фарфора приятно охлаждал ладонь. Её сердце колотилось от близости Сяо Юя, она была полна напряжения и восторга.

Она не видела, как под софой в углу двора Сяо Юй затирает ядовитым порошком следы своих ног — те самые следы, в точности повторявшие форму пятен на телах беженцев. В свете фонаря ночного сторожа Сяо Юй внезапно перехватил её руку, уже тянущуюся к окну. Из глубины склада донёсся едва слышный щелчок: двенадцать отравленных игл зависли над ящиком, полным нефритовых сосудов. Шэнь Циньгэ чувствовала спиной его часто вздымающуюся грудь и слышала приглушённый голос Господина Ли, доносившийся из темноты:

— Перерывать землю, но найти остальные медные знаки...

Она чувствовала дыхание Сяо Юя на своей шее, и чувства в её душе взметнулись, подобно приливу.

<http://bllate.org/book/18527/1781922>